

4. Kutrzeba S. Historia zrodel dawnego prawa polskiego. T. II. Litwa. — Л., 1926.
5. Барысе́нак С. Пацыянальны характар Літоўскага Статуту 1529 г. Польша 6–7. — Менськ, 1927.
6. Лаппо И. Литовский Статут 1588 года: В 2 т. — Кавнас, 1934–1938.
7. Чубатий М. Огляд історії українського права: Історія джерел та держ. права. Ч. II. — 3-тє вид. — Мюнхен, 1947.
8. Юшков С. История государства и права СССР. Ч. I. — 3-е изд. — М., 1950.
9. Okinshevich L. The Law of the Grand Duchy of Lithuania: Background and Bibliography. — Нью-Йорк, 1933.
10. Кульчицький В. Кодифікація права на Україні у XVIII ст. — Л., 1958.
11. Статут Великого Князства Литовського 1529 года / під ред. К. Яблопскиса. — Мопськ, 1960.

Анотація

Саленко В. Вплив Статутів Великого князівства Литовського на розвиток правової думки в Україні. — Стаття.

У статті аналізуються причини розробки та доповнень Статутів Великого князівства Литовського, рівень кодифікаційних робіт та вплив Статутів на розвиток правової думки на українських землях Великого князівства Литовського.

Ключові слова: Статути Великого князівства Литовського, джерела, норми та структура Статутів, правова думка.

Summary

Salenko I. Influence of Statuts of the Grand Dutch of Lithuania on development of legal idea in Ukraine. — Article.

In the article reasons of development and additions of Statuts of the Grand Dutch of Lithuania, level of codification works and influence of Statuts, are analysed on development of legal idea on Ukrainian lands of the the Grand Dutch of Lithuania.

Keywords: Statuts of the Grand Dutch of Lithuania, sources, norms and structure of Statuts, legal idea.

УДК 340.15(474.5)“1529”:340.132:165.191

Ю. В. Тищенко

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НОРМАТИВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТУТА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1529 ГОДА

К теории мифа как особой системы мировидения, обладающей рядом специфических признаков, обращались ученые в самых разных сферах познания — философии, культурологии, этнологи, психологии, права и политики и др. Миф изучался в различные эпохи, начиная от античных философов и заканчивая теориями символистов и структуралистов XX в. Сегодня, в эпоху постмодерна, миф понимается как один из центральных феноменов в истории культуры, как первичная модель идеологии, способ концептуализации мира [1, 5–25].

Авторами наиболее фундаментальных работ современности в области изучения мифа (Э. Кассирер, Дж. Фрезер, Р. Барт, К. Г. Юнг, Э. Дюркгейм, К. Леви-Строс, Я. Э. Голосовкер, Е. М. Мелетинский, О. М. Фрейденберг, А. Ф. Лосев, С. С. Аверинцев, В. А. Бачинин и др.) представлены различные подходы к осмыслению его сути и роли в истории культуры.

© Ю. В. Тищенко, 2009

Вместе с тем в контексте современных научных исследований миф целесообразно рассмотреть и в правовом аспекте: как источник современного права и как универсальную мифологическую «первоформу» — первопринцип естественного права.

Миф как архаическая форма права выступает в виде первоисточника права, содержит в своих архетипах нормативные начала. Кроме того, миф является одной из форм существования права, поскольку отдельные мифологемы проникают в нормативные тексты и распределяются в юридических источниках и других правовых реалиях права как в прошлых веках, так и в настоящее время. В этом проявляется преемственность права.

Подтверждением того, что правовой миф существовал в различные исторические эпохи, являются рассмотренные далее в качестве примера тексты Статута Великого княжества Литовского — важнейшего источника права феодальной Европы.

На основании текста Статута ВКЛ 1529 г. можно выделить архетипические мифологемы — важнейшие мифологические универсалии, вбирающие и концентрирующие основные параметры и характеристики социально-правовой действительности указанного периода. Таковыми являются понятия суда, судьи и правосудия, «необходимости судить по праву писаному», права и правды; равенства и справедливости («всіх у Великому князівстві Литовському одним правом судити мають»); почитание и уважение старого и старшего (старые обычаи, старший брат, старший в семье); понятие рода как незыблительной опоры, основы жизни, понятие кары и наказания; понятие договора как соглашения и согласия, состояния мира и взаимопонимания и др.

Рассмотрим идею кары и наказания. В разделе 1, арт. 5 идет речь о том, как должен быть наказан тот, «хто підробляв би господарські листи або печатки»: «якби хто підробляв наші листи або печатки або свідомо користувався підробленими, такий підроблювач має караний бути вогнем» [2, 209].

Справедливое наказание огнем имеет свою мифологическую основу. Огонь (или его разновидность — огненная молния) часто является средством наказания в мифических представлениях архаического человека. В греческой мифологии могучий громовержец Зевс в борьбе с титанами также пользуется огнем. Пламенной молнией Зевс наказывает и людей, в том числе неправедных судей, нарушающих порядок, установленный Зевсом на земле, и не соблюдающих его законов [3, 25–32]. В балтийской и славянской мифологиях в качестве наиболее активного, грозного и мощного мифологического персонажа выступает Перкунас (в балтийской мифологии) и Перун (в славянской мифологии) — бог грома и молнии. Преследует своего противника Вельняса (у славян — Велеса) по причине похищения противником его жены, людей или скота, громовержец на колеснице, запряженной конями, с медным или каменным оружием нападает на него, мечет молнию и её огнем убивает противника. После этого идет дождь, приносящий плодородие, что можно рассматривать как оправдание подобных действий и справедливого возмездия [4, 153–159; 5, 450–456]. С этим же мифом можно соотнести понимание законности необходимой обороны

и крайней необходимости, содержащихся в Статуте: «хто скоїть напад на чийс дім, а хазяїн, знаходячись у домі і захищаючи свій дім, уб'є або поранить у своєму домі цього насильника або кого із його співучасників, то він не повинен платити ні за вбивство, ні за рани, але ще має право зажадати одержання з цих поранених виплати за напад» (розд. 7, арт. 4) [2, 254]; «також постановляємо: якби хто захищав свій маєток або своїх підданих від нападу і при цьому вбив шляхтича, то не повинен платити головщину. Проте він мусить надати вагомих доказів, що вбив на своїй землі, і це має підтвердити своєю особистою присягою і свідченнями своїх сусідів» (розд. 7, арт. 5) [2, 254].

В Статутах находит отражение мифологическая категория рода, родового. В соответствии с разделами про наследство, про опекунство отцовское родовое имущество передавалось по наследству его детям (только сыновьям). Закон признавал также возможность распоряжаться имуществом с помощью завещания. Однако по своей воле завещать можно было только движимое имущество или купленную недвижимость, которая не относилась к родовому имуществу (розд. 3, арт. 9; розд. 4, арт. 12; розд. 5, арт. 14, 15) [2, 225, 231–232, 239]. Здесь можно усмотреть архетипическую связь с семейно-родовым культом у древних славян. В славянской мифологии Род — персонификация, воплощение кровного единства потомков одного предка. Род являлся одним из связующих элементов космического целого. В XI–XII вв. у восточных славян сохранялось мифологическое осмысление единства княжеского рода как субъекта и объекта права русских князей, территориальной единицы и родовой земли, не подлежащей членению. В древнерусских списках языческих божеств Род и связывающиеся с ним мифологические существа — рожаницы обычно следуют непосредственно за главными богами [4, 384–385]. С сакрализацией рода связано также почитание предков. В эмпирическое (профанное) время предки — старшие родственники, жившие и умершие, были объектом почитания, предметом специального культа. Предки являлись посредниками между первопредками и богами, с одной стороны, и людьми — с другой. Понятие предков, занимающих сакральную позицию в социуме, распространялось и на живущих старших родственников, которые также были объектом почитания, иногда и культового. Через старших живущих предков, как правило, осуществлялась связь между живыми и умершими [5, 333–335]. В Статутах ВКЛ отголоски мифологемы почитания старого как неоспоримого, безукоризненного обнаруживаются в неоднократных указаниях придерживаться старых обычаев в случаях отсутствия нормы писаного права (Статут, розділ 6. Про суддів) [2, 242].

Суд уже в то время был главным правоохранительным органом государства, который обеспечивал охрану правопорядка, сдерживал своеволие отдельных панов и магнатов, придавал авторитет праву. Понятия суда и правосудия, судьи, закона («писаного права») как синонимов правды и справедливости, необходимости судить «по праву писанному», понятия права, правды и лжи отражены в Статуте в разделе 6 «Про суддів, аби судили правом писаним, а якби суддя судив інакше, має бути покараний» [2, 241]. Идея равенства всех перед законом выражена в разделе 1 «Про персону господарську», арт. 9: «Всіх у Ве-

ликому князівсьві Литовському одним правом судити мають» [2, 210]. Такие основы правопонимания берут начало в существовавшей у древних славян персонификации этих понятий. В славянской мифологии Суд — существо, управляющее судьбой, раздающее доли судьбы. Отсюда возник и образ Доли, воплощающей счастье, удачу или же несчастье, лихо, горе, кручину [4, 391]. Судьба у древних славян — божество рождения, дающее человеку его жизненную участь, место (часть, долю) в рамках социального коллектива. В греческой мифологии мойры (в переводе с греч. «мойра» — букв. «доля») являются дочерьми Фемиды и Зевса. Суд, судьба имеют родственный корень со словом «соглашение» в греческом языке, к которому в свою очередь восходит имя греческой Фемиды — богини правосудия в греческой мифологии. Идея Судьбы как Суда проявляется в распространенном мотиве взвешивания Судьбы. Слепой, с повязкой на глазах, взвешивающая судьбы (раздающая доли, решающая участь) изображается Фемиды, а иногда и римская Фортуна. Мифологемы судьбы и суда как универсальных космических начал, стоящих рядом с богами, отождествляются в архаической славянской культуре с мировой необходимостью или мировой справедливостью. Персонифицированное воплощение Суда и Судьбы можно считать архаизмом славянской мифологической предправовой традиции, производящей существенные черты индоевропейской [5, 471, 471–474].

Понятия права, правды, справедливости и лжи, «кривды» отражены в Статуте в разделе 6, арт. 3–6, например: «Як мають повітками господаря, панів воєвод, старост та інших врядників викликати до суду за кривду», «Про кривди, які терплять пани і зем'яни від інших панів і пані вдов, намісників і підданих їх, коли вони не отримують правосуддя», про то, как необходимо, чтобы пан «справедливість вчинив» [2, 243–245] и т. п. Истоки этих идей встречаются в славянской мифологии в одной из основных мифологических оппозиций Правды и Кривды. Противопоставление правды, правоты, правого и неправды, кривды пронизывает всю терминологию древнейших славянских предправовых и правовых текстов, таких как «Русская Правда», судебника XI в., само название которого содержит слово «правда» в архаическом предправовом смысле.

Мифологическую основу имеет также идея договора. В Статуте 1529 г. договорные отношения, такие как купля-продажа, займ, залог, дарение, регулировались обязывающими нормами. Одним из оснований для возникновения таких отношений были договоры. Закон определял форму и порядок составления договора и условия прекращения обязываний и обязательств. Как правило, договоры составлялись в присутствии свидетелей и сопровождались совершением некоторых символических действий и обрядов: «перебивания рук», «приставление шапок», «выставление магарыча» и др. Все эти обрядовые действия осуществлялись для подтверждения и закрепления договора. В некоторых случаях договор закреплялся присягой. Иногда закон требовал письменной формы договора. В такой форме осуществлялись договоры о земле, о займе, в случаях продажи или дарения наследственных, выслуженных, купленных имений. При составлении таких договоров осуществлялась запись, скрепленная подписью и печатью того, кто продавал или дарил. Обязательным было присутствие трех —

четырёх свидетелей шляхетского происхождения, которые также засвидетельствовали запись своими печатями [2, 27–28]. Договор как соглашение двух или более сторон о наступлении, изменении или прекращении соответствующих прав и обязанностей [6, 232] восходит к соответствующей идее договора, согласия в мифологиях различных мировых культур. Например, в древнеиранской культуре встречается мифологический персонаж Митра, связанный с идеей договора, а также выступающий как бог солнца. Митра принадлежит по своему происхождению к индоиранскому пантеону. Само имя восходит к индоевропейскому корню *mī-: meī-*, обозначающему идею посредничества, взаимности, обмена, закономерности, согласия, состояния мира, дружбы, симпатии. Митра понимается и как персонифицированное абстрактное понятие договора, и как имя собственное для обозначения соглашения между двумя или более сторонами, и как присутствие при составлении договора, и как гарантия его соответствия космическому закону. В древнеиранских источниках указывается на то, что договор нельзя нарушать независимо от того, заключен ли он с носителями лжи или с обладающими правдой последователями истинной веры, ибо договор имеет силу и в отношении носителей лжи, и в отношении носителей правды. Договорная функция Митра объясняет и ряд других мотивов, в которых он упорядочивает, организует жизнь на земле. Социальный аспект деятельности Митра очевиден. Он гарантирует устойчивость и согласие между людьми, охраняет страну от раздора и несчастья, если в ней чтут договор, и разрушает страны и наказывает врагов, если они не чтут договор, нарушают его. Митра объединяет людей, помещает их на правильное, в соответствии с законом выбранное место. Один из наиболее интересных эпитетов Митра — «выпрямитель линий» — не только намекает на возможную примиряющую роль Митра при спорах о границах, но, в конечном счете, позволяет восстановить для него более древнюю функцию царя-жреца, принимающего участие в ритуальных измерениях, которые подтверждают следование универсальному закону, правде. Митра выполняет посредническую роль, функцию различения добра и зла, правды и лжи. Митра ведал социальной организацией людей и соответственно устройством «человеческой» вселенной, осуществлял медиационную функцию между верхом и низом, небом и землей, внешним и внутренним пространством, божественным и человеческим. В последующем Митра становится богом договора. С именем Митра связано русское «мир», «община» как обозначение социальной структуры, имеющей, в частности, функции, сопряженные с договором [5, 154–157].

Идея необходимости письменной формы договора, также как и авторитет и значение всего «закона писаного», изложенного в письменной форме, а также первоочередного значения письменных доказательств сопряжена с таким элементом мифологического ряда, как письмена, и их ролью во многих мифопоэтических системах. Письменами в древности являлись разного рода графические элементы и изображения, в том числе буквы и знаки, преследующие цель сообщения. Письмена имели значение и смысл, который не исчерпывался ими самими в их материальном, чисто формальном аспекте. Они понимались как сакральные знаки, которые связаны с высшими и тайными смыслами [5, 314–316].

На основании данных примеров мы видим, что мифы как форма осмысления миропорядка существуют на различных этапах развития человеческой истории — и в период архаики, и в эпоху феодализма, и в культуре нового времени. Универсальность, живучесть мифа объясняется, вероятно, тем, что главный пафос мифа — в упорядочивании, гармонизации земной жизни, превращении хаоса в космос. Миф предлагает модель мира, ориентированную ценностным образом, модель, в которой нет места колебаниям, сомнениям и противоречиям. Миф объясняет мир так, чтобы универсальная гармония не была нарушена. В мифе выражается стремление к гармонизации, порядку, стабильности, необходимости веры — духовного основания, опоры и основы человеческого бытия.

Література

1. Мелетинский Е. М. От мифа к литературе: Курс лекций «Теория мифа и историческая поэтика». — М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. — 170 с.
2. Статуты Великого князівства Литовського: У 3 т. Т. 1. Статут Великого князівства Литовського 1529 року / За ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Паськова. — О.: Юрид. л-ра, 2002. — 464 с.
3. Кун П. А. Мифы и легенды Древней Греции — М.: АСТ; С.Пб.: Полигон, 2006. — 480 с.
4. Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. С. А. Токарев. — М.: Рос. энцикл., 1994. — 671 с.
5. Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. С. А. Токарев. — М.: Рос. энцикл., 1994. — 719 с.
6. Юридическая энциклопедия: В 6 т. Т. 2. — К.: Укр. енцикл., 1998. — 744 с.

Анотація

Тищенко Ю. В. Міфологічні підвалини нормативних положень Статуту Великого князівства Литовського 1529 року. — Стаття.

У статті стверджується, що правовий міф є формою існування права в різні історичні епохи. Для підтвердження наведеної думки досліджується текст Статуту Великого князівства Литовського 1529 року — найважливіше джерело права феодальної Європи. На базі його наукового аналізу виокремлюються архетипічні міфологеми — важливі універсалії, що концентрують основні параметри і характеристики соціально-правової дійсності зазначеного періоду. Такими є поняття суду, судді та правосуддя, права і правди, покарання (кари), рівності і справедливості, шанування і поваги старих і старших, поняття роду як непероршної опори, основи життя, поняття договору як згоди, порозуміння, стану миру й узв'язання суперечностей.

Ключові слова: Статут Великого князівства Литовського 1529 року, джерело права, правовий міф, міфологема, правові універсалії, наступність права.

Summary

Tischenko J. V. Mythological foundations of normative positions of Statut of Grand Duchy of Lithuania 1529. — Article.

The author of the article affirms that the legal myth is the form of existence of law in various historical epochs. In corroboration of this statement the text of the Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1529 — the major source of law of feudal Europe is researched as an example. On the basis of the Statute's scientific analysis some archetypical mythologems — the most important universalities, concentrating key parameters and characteristics of the social legal reality of the specified period, are allocated. Those are concepts of court, judge and justice, law and truth; punishment (penalty), equality and justice (fairness); honouring and respect of the old and senior; concept of a kin (family, clan) as firm support, life basis; the concept of the contract as an agreement, a consent, a state of peace and mutual understanding, etc.

Keywords: Statut of Grand Duchy of Lithuania 1529, source of law, legal myth, mythologem, legal universal, following of law.